# Статьи. Теория

Андрей Корбут

# Гоббсова проблема и два ее решения: нормативный порядок и ситуативное действие

Статья посвящена так называемой «Гоббсовой проблеме»: вопросу о том, как возможен социальный порядок. В статье рассматриваются два ключевых решения, предложенных в современной социологии: концепция нормативного порядка, сформулированная в работах Талкота Парсонса, и идея ситуативного действия, высказанная Гарольдом Гарфинкелем. Показывается, что два эти подхода несовместимы между собой, поскольку они по-разному отвечают на центральные вопросы, составляющие Гоббсову проблему: вопрос повседневности порядка и вопрос наблюдаемости или конкретности порядка.

*Ключевые слова:* социальный порядок, нормативный порядок, ситуативное действие, Т. Парсонс, Г. Гарфинкель



## Введение

**Социальные науки всегда черпали свою легитимность и предмет интереса в упорядоченных свойствах социальных действий. Каких бы представлений о научном знании не придерживались социальные ученые и какую бы науку они не рассматривали в качестве образца для подражания, применяемые ими исследовательские процедуры были направлены на обнаружение регулярностей в наблюдаемых действиях и объяснение этих регулярностей. Эмиль**

Публикация осуществлена в рамках проекта «Полицейский порядок и ситуативная солидарность: динамика взаимодействия и трансформаций» (Программа фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 году).

Корбут Андрей Михайлович — MA in Sociology (МВШСЭН, 2011), научный сотрудник Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ, преподаватель факультета социологии НИУ ВШЭ, преподаватель факультета социальных наук МВШСЭН. Научные интересы: этнометодология, конверсационный анализ, социология повседневности.

Дюркгейм, например, обосновывая возможность сугубо социологического изучения случаев самоубийства, писал: «Если вместо того, чтобы видеть в этих случаях совершенно особые для каждого из них обстоятельства, независимые друг от друга и требующие каждое специального рассмотрения, взять общее число самоубийств, совершенных данным обществом в данный промежуток времени, то можно установить, что полученная таким образом сумма не явится простой суммой независимых между собой единиц, голым собранием фактов, но что эта цифра образует новый факт *sui generis,* имеющий свое внутреннее единство и свою индивидуальность, а значит, свою особую природу, тем более для нас важную, что она по существу своему глубоко социальна» (Дюркгейм 1998, 28-29). Высказывание Дюркгейма выражает не только его личную точку зрения по конкретному вопросу, но и гораздо более распространенный и общий взгляд. Апеллируя к фактическому характеру регулярностей, наблюдаемых на уровне общества, социолог легитимирует свою дисциплину как самостоятельную и равноправную науку среди других наук и одновременно указывает на ее специфический предмет: социальный порядок. В той мере, в какой естественные науки изучают порядок в природе, социология является наукой; в той мере, в какой никакая другая наука не изучает социальный порядок, социология является социальной наукой.



В этом смысле можно утверждать, что проблема порядка является центральной проблемой социальной теории и социологической практики. Интересно, что как проблема она была сформулирована еще до появления самой социологии: первое ее последовательное осмысление было предпринято Томасом Гоббсом в его знаменитой работе «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» (Гоббс 1991). Гоббсова проблема — это проблема социального порядка *par excellence*. Любая последующая социологическая (или даже шире — социально-философская) традиция предлагала свое решение Гоббсовой проблемы. К данному моменту было предпринято несколько попыток классифицировать социологические взгляды относительно социального порядка[1], однако они неудовлетворительны по одной причине: в этих попытках не учитывается то, каким образом проблема были поставлена самим Гоббсом. На мой взгляд, возвращение к первоначальной формулировке позволяет по-иному взглянуть на способы решения проблемы социального порядка. В данной статье я покажу, как Гоббс

1 Можно указать, как минимум, на две такие попытки: (Cohen 1968:18–33); (Alexander 1982:90–112).

описывал данную проблему и какие способы использования его описания можно обнаружить в социологии.

## Гоббс: упорядоченное и неупорядоченное действие

Основной аргумент Гоббса состоит в следующем. Гоббс пытается доказать, что если предоставить людей самим себе, они бы постоянно враждовали друг с другом и их жизнь представляла бы собой хаос. Она была бы «одинока, бедна, беспросветна, тупа и кратковременна» (Гоббс 1991: 96). Ключевым здесь является первый предикат — «одинокий». Он означает, что в естественном состоянии общество невозможно. Поскольку все люди от природы наделены равными физическим или умственными способностями (и даже если их способности не равны, то данное неравенство не настолько существенно, чтобы дать кому-либо принципиальное преимущество перед остальными) и, поскольку достижение ими своих целей сталкивается со скудностью доступных ресурсов, между людьми возникает соперничество, которое выливается в войну всех против всех. Такого рода война не обязательно заключается в одном лишь убийстве всех прочих. Люди могут также стремиться полностью подчинить других, чтобы те перестали быть источником опасности. Кроме того, в некоторых случаях люди идут дальше и совершают поступки, которые продиктованы не стремлением завладеть определенными вещами или обеспечить свою безопасность, а жаждой славы. Эти три цели — нажива, безопасность и слава — и являются причинами войны всех против всех. Общество в таких условиях возникнуть не может. Оно существует лишь там, где естественное состояние сменяется гражданским, т. е. там, где появляется общая власть, принуждающая людей к миру. Но люди стремятся к миру и в силу присущих им страстей. Несмотря на то, что человеческая природа побуждает всякого использовать свою силу и изобретательность для подчинения или уничтожения других людей, ему также присущ страх смерти и желание приобретать вещи с помощью труда, а не грабежа и насилия. Эти страсти толкают людей к миру, для достижения которого разум предлагает ряд инструментов, которые Гоббс называет «естественными законами». Первый и главный из этих законов гласит: «Следует искать мира и следовать ему» (Гоббс 1991: 99). Люди отказываются от права делать все, что они хотят, ради поддержания мира, для чего они заключают соглашение. Однако наличие естественных законов не гарантирует их соблюдение. Для их поддержания нужна внешняя сила, в роли которой не могут выступать ни мелкие (вроде семьи), ни крупные (вроде населения определенной территории) человеческие объединения.

Мир и безопасность возможны только там, где большинство выбирает одного человека или собрание людей и передает ему или им всю полноту власти. Иными словами, такой внешней силой может выступать лишь государство.

Таким образом, Гоббсова проблема, формулировку и одновременно решение которой можно найти в «Левиафане», заключается в том, как возможно общество. Каковы условия возникновения того типа упорядоченных отношений, который мы называем «обществом»? Эти отношения должны быть стабильными, поскольку порядок, установленный, например, на время войны с соседним государством, может распасться по окончании боевых действий и в этом смысле не является действительным социальным порядком. Гражданское состояние отличается от естественного наличием специфического принципа порядка, который носит внеиндивидуальный и устойчивый характер. Поскольку Гоббс находит этот принцип в общей власти, принуждающей к миру, для него общество и государство тождественны. Об этом говорит, в частности, его описание того, чего лишаются люди, не имеющие общества: у них «нет земледелия, судоходства, морской торговли, удобных зданий, нет средств движения и передвижения вещей, требующих большой силы, нет знания земной поверхности, исчисления времени, ремесла, литературы» (Гоббс 1991: 96). Сегодня мы бы могли назвать все это «социальными институтами». Гоббс, по сути, предлагает читателю представить, что было бы, если бы все эти прекрасные вещи исчезли. Любой здравомыслящий человек, уже познавший преимущества их наличия, должен признать, что их исчезновение было бы катастрофой (примером которой может служить гражданская война).



Такое социально-политическое представление о порядке, предложенное Гоббсом, содержит лакуну, которая имеет принципиальное значение для дальнейшего развития представлений о порядке в социальных науках. Это лакуна связана с тем, как мы может понимать те социальные связи, которые, согласно описанию самого Гоббса, но в противоречии с его основным тезисом, могут возникать даже в отсутствие порядка. Хотя Гоббс не признает это, он вынужден описывать людей в естественном состоянии таким образом, что между ними не только возможны, но и необходимы определенные социальные отношения. Отсутствие порядка, воплощенного в законах и поддерживаемого избранными представителями или представителем, тем не менее, не исключает, во-первых, объединения людей между собой и, во-вторых, единообразной оценки объектов в окружающей среде. С одной стороны, Гоббс отмечает, что в естественном состоянии физически слабые люди могут заключать союз «с другими, кому

грозит та же опасность», чтобы «убить более сильного» (Гоббс 1991: 93). С другой стороны, условием вражды между людьми является то, что «два человека желают одной и той же вещи, которой, однако, они не могут обладать вдвоем» (Гоббс 1991: 94). В обоих случаях должна существовать некоторая социальная механика, которая обеспечивает, во-первых, возможность коммуникации людей между собой и, во-вторых, возможность наделения объектов материального или нематериального[1] мира одинаковым значением. Гоббс никак не описывает эту механику, поскольку принципиально разделяет упорядоченное гражданское поведение и неупорядоченное естественное поведение. Появление общей власти, олицетворяемой сувереном[2], принципиально меняет поведение тех, кого Гоббс называется «частными лицами» (particular men): вместо убийств и притеснений они начинают заниматься земледелием, судоходством, морской торговлей и т. д. Это наблюдаемо разные формы деятельности. Разница между ними настолько глубока, что даже утверждение мира на основе законов и благодаря верховной власти не способно перебороть естественные наклонности частного лица: «...даже в своем доме он запирает ящики, и это тогда, когда он знает, что имеются законы и вооруженные представители власти, готовые отомстить за всякую причиненную ему несправедливость» (Гоббс 1991: 96). То есть в обыденной жизни, несмотря на наличие законов и всех прочих признаков гражданского состояния, люди все равно не доверяют друг другу. Разумеется, это не значит, что человеческая натура всегда берет верх над социальным порядком. Скорее, этот пример должен показать читателю принципиальную разницу между упорядоченным и неупорядоченным действием. Однако тем самым Гоббс уходит от вопроса, можно ли считать социальные действия в естественном состоянии действительно социальными и, значит, упорядоченными, поскольку Гоббс идентифицирует социальный порядок с обществом.



Сказанное в предыдущем абзаце позволяет выделить два принципиальных вопроса, которые составляют Гоббсову проблему социального порядка: вопрос обыденности порядка и вопрос наблюдаемости порядка. Ответ, предлагаемый самим Гоббсом, — то, что упорядоченные действия наблюдаемо отличаются от неупорядоченных и что неупорядоченные действия могут наблюдаться лишь в повседневной жизни, — хотя он

1 Я включаю сюда и нематериальные объекты, поскольку, как полагает Гоббс, люди могут стремиться не только к обладанию вещами, но и, например, к почету и славе.

2 Сувереном, напомню, может быть как один человек, так и собрание людей.

и не сформулирован единым и непротиворечивым образом, оказался под вопросом в тот момент, когда социальные ученые перешли от социально-политической трактовки социального порядка к собственно социологической. По мере институционализации социологии и расширения и трансформации области социологического интереса все большее внимание стало уделяться обыденному обществу. В связи с этим возникла необходимость выработки других ответов, которые были предоставлены первой волной социологов-классиков — Контом, Спенсером, Теннисом, Вебером, Зомбартом, Дюркгеймом, Зиммелем, Смоллом и др. — и затем развиты их последователями. Все их ответы, которые составляют концептуальный каркас современной социологии, можно объединить в две большие традиции, одна из которых стала доминирующей в социологии и продолжает доминировать до сих пор, а другая была изначально вытеснена на периферию и раздроблена, но постепенно приобретает все большее значение. Первая традиция, акцентирующая нормативный характер социального порядка, в наиболее последовательной форме была изложена в работах Талкота Парсонса. Вторая традиция, подчеркивающая ситуативные свойства социального порядка, нашла наиболее радикальное воплощение в исследовательском подходе Гарольда Гарфинкеля. Ниже я попытаюсь обозначить основные принципы двух указанных традиций и показать, в чем заключается их различие в отношении двух основополагающих вопросов, касающихся социального порядка.



## Парсонс: порядок по ту сторону действия

Представления Парсонса о порядке оставались достаточно стабильными на протяжении всей его академической карьеры. Начиная с основополагающей работы 1937 г. «Структура социального действия» и заканчивая последними статьями и книгами, Парсонс развивал идею нормативного порядка. Книга 1937 г., полное название которой «Структура социального действия: исследование по социальной теории с особым вниманием к группе современных европейских авторов» (Parsons 1949), представляет собой попытку систематизации основополагающих теорий, выработанных в социологии к тому времени. И хотя корректность проводимой Парсонсом реконструкции можно поставить под вопрос, предложенное им решение проблемы социального порядка схватывает ряд ключевых идей, составляющих ядро обширной социологической традиции, продолжателем которой мыслил себя Парсонс и которая в дальнейшем получила распространение в той форме, которую он ей придал.

В «Структуре социального действия» Парсонс утверждает, что для правильного понимания Гоббса необходимо разделять два типа порядка: фактический порядок и нормативный порядок. «Фактический порядок... обозначает, по сути, доступность для понимания с точки зрения логической теории, в особенности — с точки зрения науки... Нормативный порядок, с другой стороны, всегда соотносится с данной системой норм или нормативных элементов, будь то цели, правила или другие нормы. Порядок в этом смысле предполагает, что процесс протекает в соответствии с траекториями, заданными нормативной системой» (Parsons 1949: 91). Интересно в этом различении, во-первых, то, что оно предполагает наличие порядка даже в том случае, когда отсутствуют какие-либо нормы. То, что с нормативной точки зрения представляет собой хаос, тем не менее, может быть упорядочено. Парсонс приводит следующий пример: «борьба за существование» может представляться хаотичной с точки зрения христианской этики, однако наблюдатель, вооруженный научной методологией, способен различить в ней некоторое «единообразие» (Parsons 1949: 92). Второй интересный момент состоит в том, что нормативный порядок всегда предполагает фактический порядок. Нормативный порядок привносит в социальные отношения стабильность, которую им не может придать фактический порядок, но никакой нормативный порядок не возможен без порядка фактического.



В этой, центральной для Парсонса, концептуальной интуиции содержится развитие и одновременно антитеза Гоббсу. Хотя Парсонс отмечает, что «Гоббс практически полностью лишен нормативного мышления» (Parsons 1949: 89), представление о двух порядках может быть сопоставлено с представлением о естественном и гражданском состояниях, за тем исключением, что Парсонс совершенно иначе отвечает на два центральных вопроса Гоббсовой проблемы. Для Парсонса, во-первых, любое действие, по сути, должно быть упорядоченным и, во-вторых, порядок в действиях ненаблюдаем. Порядок находится *за* действиями. Даже фактический порядок — это порядок, который может быть установлен лишь в соответствии с логическими принципами, т. е. по правилам научной процедуры. Этот порядок доступен лишь наблюдателю-социологу. А нормативный порядок может быть описан лишь с точки зрения теории, т. е. при помощи теоретически выделенных компонентов систем действия. Таких компонентов четыре (Parsons 1949: 44): 1) актор (действующее лицо); 2) цель (будущее положение дел); 3) ситуация (контролируемая актором часть которой называется «средства», а неконтролируемая — «условия»); 4) нормативная ориентация (определяющая выбор среди альтернативных средств достижения цели). Эти четыре компонента обеспечивают анализируемость

любого действия как нормативно ориентированного обыденного действия. Безусловно, в «Структуре социального действия» Парсонс еще допускает, что возможны упорядоченные действия, которым нельзя приписать нормативную ориентацию, однако в последующем, и прежде всего в книге «Социальная система», он фактически приравнивает социальный порядок к нормативному. Для этого он обращается к понятию коммуникации.

Парсонс вводит понятие коммуникации в свою концептуальную схему для того, чтобы показать, каким образом нормы встроены в повседневное действие. Как он признает в одной из своих поздних статей: «...если нас интересует порядок на социальном уровне, нам нужно понять не только базовые институциональные структуры и их связь с психологией индивидуальной личности, но и — гораздо глубже, чем понимают сегодня социальные ученые, — функционирование процессов интеракции и коммуникации, благодаря которым существует общество, а также условия порядка в этих процессах» (Parsons 1968: 384). Во многом Парсонс был вынужден обратить внимание на коммуникативные практики под влиянием работ своего ученика — Гарольда Гарфинкеля. Об этом говорит хотя бы то, что в процитированной только что статье «Порядок как социальная проблема», которая была опубликована в 1968 г., но представляет собой доклад, прочитанный в 1964 г., Парсонс подчеркивает важность изучения взаимных ожиданий и доверия как оснований обобщенных социальных структур (Ibid.), а именно этим двум темам посвящена известная работа Гарфинкеля о доверии (Garfinkel 1963; Гарфинкель 2009), опубликованная в 1963 г. Коммуникативные практики, однако, как я покажу ниже, понимаются Гарфинкелем совершенно иначе, нежели Парсонсом. Парсонс анализирует коммуникацию следующим образом.

В основе понятия коммуникации лежит идея «двойной контингентности» (Parsons et al. 1951: 16). Удовлетворение каждого участника коммуникации, которого Парсонс называет «эго», зависит от совершаемого им выбора среди альтернатив. Действия «альтер», «другого», в свою очередь, будут зависеть от совершенного «эго» выбора. Иными словами, каждый участник коммуникации ориентируется не только на доступные ему альтернативы действия, но и на выбор, совершенный другим участником. Поскольку ситуация каждого участника уникальна, для того чтобы коммуникация была возможной, должны существовать общие смыслы, которые могут быть отделены от этой ситуации. Участники должны стабилизировать смысл коммуникации посредством «общей символической системы» (Ibid.), которая предполагает нормативную ориентацию действия. «Символическая система смыслов представляет собой элемент порядка, так сказать „навязываемого“ реалистической си-

туации. Даже элементарнейшая коммуникация невозможна без некоторой степени согласия с „конвенциями" символической системы» (Parsons 1951: 11). Нормы и другие нормативные компоненты культуры (ценности, правила и пр.) и представляют собой такого рода конвенции. Нормативные паттерны культуры интернализируются и институционализируются, однако, их эффективность связана, как показывает идея двойной контингентности, с мотивацией участников коммуникации, т. е. с тем, насколько они согласны с нормативными паттернами. Именно в этом заключается, по мнению Парсонса, суть проблемы социального порядка: «Проблема порядка, и, тем самым, оснований интеграции стабильных систем социального взаимодействия, т. е. социальной структуры, фокусируется на интеграции мотивации акторов с нормативными культурными стандартами, которые интегрируют систему действия...» (Ibid.: 36). А поскольку мотивация акторов связана с выбором альтернатив действия, которые задаются нормативной ориентацией, нормативный порядок становится всепроникающим. Любое коммуникативное действие, составляющее элементарное повседневное основание социальной и культурной систем, основано на нормативно заданной системе разделяемых смыслов. Только она обеспечивает стабильный социальный порядок.



В той мере, в какой социальный порядок становится для Парсонса порядком нормативным, идея «фактического порядка» отходит на второй план и затем нивелируется. Фактический порядок подчиняется нормативному: изучая фактический порядок, мы обнаруживаем некоторые эмпирические регулярности, которые еще должны быть объяснены в контексте нормативной ориентация тех акторов, в действиях которых эти регулярности были обнаружены. А поскольку данные регулярности доступны только наблюдателю, применяющему научную методологию, они становятся лишь первым шагом на пути к «открытию» нормативного порядка. Разумеется, задача социолога в этом случае не заключается в производстве эмпирических обобщений. Напротив, осмысленность тех или иных наблюдений обусловлена теоретической схемой, элементы которой задают направления поисков. В итоге, исследователь, отталкиваясь от теоретически постулированного нормативного порядка, обнаруживает этот порядок *за* описываемыми им действиями. В самих по себе конкретных действиях порядка нет. Наблюдаемое действие социологически доступно лишь как отпечаток нормативной структуры.

Ключевая проблема, которая связана с такой нормативистской трактовкой действия, заключается в игнорировании «точки

зрения актора»[1]. Парсонс понимает, что точка зрения актора и точка зрения наблюдателя — это разные перспективы, однако их разница заключается в том, что для наблюдателя «условия, которые необходимо соблюсти для сохранения системы, являются функциональными предпосылками этой системы», в то время как для актора эти условия являются «функциональными фокусами организации действия» (Parsons, Shils, Olds 1951: 120). При этом упускается то, что критики Парсонса называли «когнитивным элементом» (Warner 1978; Barnsley 1972), т. е. знание актора о нормативной структуре. Как образом «нормативная ориентация» реализуется в обыденных ситуациях деятельности? Парсонс полагал, что она, во-первых, интернализируется акторами и, во-вторых, «навязывается» другими участниками коммуникации как принудительная моральная сила. В этом случае нет необходимости обращаться к тому, как акторы интерпретируют нормы, поскольку их интерпретации рассматриваются лишь с функциональной точки зрения, т. е. исходя из того, насколько успешно они позволяют интегрировать социальную систему в повседневных действиях, или, если сформулировать это иначе, насколько они мешают реализоваться мотивированному согласию с нормативным паттерном. В этом смысле, Парсонс не признает, что «точка зрения актора» может иметь принципиальное значение для поддержания стабильного социального порядка.



Между тем, именно проблема актора и его точки зрения является источником совершенно иной традиции осмысления социального порядка, некоторые элементы которой можно найти в работах Вебера, Зиммеля, Шюца, Гофмана и др., но которая в наиболее радикальной форме была высказана Гарольдом Гарфинкелем. Первоначально предложив решение проблемы актора в когнитивистском ключе, с опорой на идеи Альфреда Шюца, Гарфинкель затем отказался от последних, сформулировав радикально эмпирический подход, в основе которого лежит понятие ситуативного действия.

## Гарфинкель: порядок в действии

Взгляды Гарфинкеля на проблему социального порядка не оставались неизменными. Первое решение, которое было предложено им в диссертации и в ряде последующих работ (Garfinkel 1952; Garfinkel 1962; Garfinkel 1967), находилось в целом в русле когнитивистской

1 Первым, кто отметил и систематически проанализировал это упущение в теории Парсонса, был Альфред Шюц. См. его переписку с Парсонсом: (The theory of social action 1978).

трактовки: вслед за Шюцем Гарфинкель акцентировал важность повседневного знания социальных структур. Однако достаточно быстро[1] он осознал ограниченность когнитивного подхода, поскольку этот подход фокусируется на *смыслах*, которые акторы придают объектной среде (включающей других людей). То, что смыслы рассматриваются при этом не как элементы общей символической системы (как их рассматривал Парсонс), а как компоненты конструктивных смыслопорождающих практик акторов, не меняет принципиально ситуацию, поскольку в любом случае остается невыполненной задача демонстрации того, *как* происходит наделение объектов смыслом и стабилизация социального порядка. Первоначальный ответ Гарфинкеля опирался на понятия «доверие» (Гарфинкель 2009) и «фоновые ожидания» (Garfinkel 1967: 36-38, 53-56). Однако затем оба эти понятия были отвергнуты в пользу радикально ситуационного подхода. Но прежде чем перейти к описанию специфики этого подхода стоит чуть более подробно остановиться на том, чем он отличается от когнитивной трактовки. Это важно по двум причинам: во-первых, потому что подход Гарфинкеля до сих пор иногда относят к когнитивному направлению (Cohen 2000: 73-111), хотя такое отнесение справедливо лишь по отношению к ранним работам Гарфинкеля (и то с большими оговорками), и, во-вторых, потому что когнитивизм считается подлинной альтернативой нормативизму, хотя это не так, и их можно вполне успешно совмещать.



Ранние исследования Гарфинкеля, действительно, содержат существенные элементы когнитивной точки зрения, поскольку главная их задача — описание «практического социологического мышления»[2]. Под практическим социологическим мышлением понимаются обыденные способы рассуждения, предметом которых является социальная структура «с точки зрения актора». В этом отношении социальная структура является предметом понимания, узнавания, познания, описания, исследования не только для профессиональных социологов, но и для обычных членов общества. Эта тема не могла быть сформулирована в концептуальной схеме Парсонса, поскольку для Парсонса социальная структура — это то, что не может быть дано актору. Социальная структура скрыта, и поэтому доступна лишь исследователю, использующему научные методы. Гарфинкель пытается показать, что у человека с улицы (т. е. у любого, кто не является профессиональным социологом) тоже

1 Уже в своей первой книге 1967 года.

2 Наиболее показательными в этом отношении являются исследования работы присяжных и работы сотрудников лос-анджелесского Центра предотвращения самоубийств: (Garfinkel 1967: 104–115; Garfinkel 1967a: 171–187).

имеются методы обнаружения и изучения социальной структуры. Профессиональные социологи называют эти методы «здравым смыслом» и пытаются исключить их влияние на свои данные, однако это невозможно, так как социологи сами вынуждены пользоваться теми инструментами выявления и опознания социального порядка, которые применяются в повседневной жизни. Как профессиональные, так и «любительские» социологи придают осмысленность и упорядоченность происходящему за счет использования определенных обыденных методов, призванных сделать текущую деятельность и ее обстановку «воспринимаемо нормальными» (Гарфинкель 2009: 11). Показать, в чем заключатся эти обыденные методы, можно на примере исследования работы лос-анджелесского Центра предотвращения самоубийств (ЦПС).

Описывая рутинную деятельность сотрудников ЦПС, которые заняты профессиональной сертификацией случаев смерти, причина которых неясна, Гарфинкель предлагает рассматривать ЦПС как «самоорганизующуюся обстановку», подчеркивая «осмысленный характер ее специфических, актуальных, перспективных проявлений как проявлений социального порядка» (Garfinkel 1967a: 184-185). Собирая данные, обсуждая их между собой, составляя отчет, сотрудники ЦПС организуют свою деятельность таким образом, чтобы конечный результат (сертификат о смерти) был обоснованным, полным, последовательным, точным, ясным и т. д. в свете проделанной работы, и чтобы проделанная работа была профессиональной, логичной, эффективной, адекватной, завершенной и т. д. в свете конечного результата. Иными словами, их работа и ее результат должны демонстрировать свойства порядка, причем этот порядок является не абсолютным, а относительным достижением, т. е. это не порядок, соответствующий некоторому правилу, а порядок, соответствующий всем практическим целям, даже если эти цели нельзя заранее предугадать. Гарфинкель отмечает, что по мере совершения своей работы сотрудники ЦПС постоянно пересматривают свой результат с учетом того, для каких целей он может быть использован. Это не только цели самих сотрудников, но и цели большого числа потенциальных читателей их отчета, лишь часть из которых может быть идентифицирована. В этом смысле, порядок — это всегда временное достижение непосредственных участников повседневных ситуаций.

Однако акцент на «практических социологических рассуждениях» не позволяет Гарфинкелю в этих ранних исследованиях перейти к собственно ситуативному взгляду, поскольку этот акцент побуждает его искать квазиуниверсальные методы повседневного мышления. Описание деятельности сотрудников ЦПС Гарфинкель начинает с перечисления тех рутинных «забот», которые харак-

терны и для деятельности присяжных, и для работы социологов, и для практики медицинского персонала больниц: они заботятся о темпоральном согласовании деятельности, они заботятся о вопросе «Что делать дальше?», они заботятся о понимании того, «что каждый знает», и т. п. (Garfinkel 1967a: 172-173) Все эти «заботы» являются рутинными, само собой разумеющимися проблемами, с которыми сталкиваются повседневные акторы вне зависимости от того, в какой области практики они действуют. Главная задача, которую решают при этом обычные члены общества, — это задача поддержания видимой упорядоченности текущих ситуаций, которую можно понимать как соответствующую широкой социальной структуре. В силу этого, ранние исследования Гарфинкеля можно совместить с подходом Парсонса, сведя их к изучению «взаимных ожиданий и доверия, обеспечивающих функционирование... обобщенных механизмов» (Parsons 1968: 384)[1]. Однако в отношении поздних работ такая попытка обречена на провал, поскольку в них формулируется радикальная ситуационная точка зрения.



Ситуационный поход приобретает законченные очертания, когда Гарфинкель переходит от исследования структур практического социологического мышления к изучению способов организации реальной работы производства социального порядка *in vivo*[2]. В качестве примера того, как это происходит, можно привести исследование действий по инструкции. В повседневной жизни мы часто сталкиваемся с разного рода инструкциями: письменным, устными, рисованными и т. д. Более того, можно сказать, что любая профессиональная деятельность предполагает наличие такого рода инструкций. Инструкции представляют интересный предмет для социологического анализа, поскольку можно провести некоторую аналогию между инструкциями и нормами или правилами. Разумеется, не все нормы и правила принимают форму инструкций, однако понимание того, как функционируют инструкции, позволяет пролить свет на то, как функционируют нормы и правила. В этом отношении основным предметом интереса является соотношение инструкций и действий по инструкции. Один из способов описания этого соотношения, предложенный Гарфинкелем в ранних работах, основан на использовании понятия «оговорка *et cetera* („и так далее“)» (Garfinkel 1967: 73). Гарфинкель, заимствующий это понятие у Шюца, имеет в виду, что, анализируя и описывая сцены повседневной жизни, обычные члены общества

1 Под «обобщенными механизмами» имеются в виду государство, политическая система, правительство, общество и т. п.

2 *In vivo* (лат.) — вживую, в жизни.

вынуждены добавлять к своим описаниям и действиям «и так далее», поскольку ни одно описание и ни одно действие не может находиться в отношении полного соответствия с той обстановкой, которая является предметом описания или действия. Однако при изучении действий-по-инструкции эта оговорка обнаруживает свою ограниченность, поскольку даже добавление «и так далее» не снимает неопределенность в отношении того, что происходит, т. е. упорядоченных свойств текущей обстановки. Текущая ситуация приобретает упорядоченные черты только в актуальных действиях. Понять, что такое оговорка «и так далее», можно лишь непосредственно столкнувшись с ней на рабочем месте (Garfinkel 2002: 203), т. е. в конкретной обыденной ситуации, которая придает смысл инструкции. Поэтому нужно изучать не структуры повседневного мышления, а «достигаемую *in vivo* связность объектов» (Ibid.).

Тем самым Гарфинкель совершает феноменологический поворот: вместо обыденного знания социальных структур он фокусируется на обыденных практиках производства феноменальных деталей, в которых заключается социальный порядок. Как и Парсонс, Гарфинкель исходит из того, что повседневные действия упорядочены, однако порядок находится не *за* действиями, а *в* них. Социальный порядок обыден и конкретен. Его можно наблюдать, и его наблюдаемость создается и поддерживается теми же методами, которыми он производится. Поскольку порядок наблюдаем, люди не могут апеллировать к каким-либо внеситуативным нормативным структурам. Они вынуждены выстраивать порядок здесь и сейчас, ориентируясь на феноменальные детали текущих ситуаций: «В любом актуальном случае, и затем — случай за случаем, эти феномены [порядка] специфицируются в упорядоченных феноменальных деталях их производства и описуемости как феноменально-полевое свойство процедурно описуемых упорядоченных явленностей» (Ibid.: 169). В этом коротком, сложном, но важном высказывании «зашифрованы» три основные принципа ситуационного понимания социального порядка: 1) социальный порядок производится в виде феноменальных деталей текущей ситуации; 2) эти феноменальные детали производятся как описуемые детали; 3) производство и описуемость феноменальных деталей носят процедурный характер. Чтобы прояснить эти принципы, рассмотрим один из наиболее показательных для ситуационного подхода примеров: очередь (Ibid.: 245-261; Garfinkel, Livingston 2003).

Нормативный порядок любой очереди мог бы определяться правилом «пришедший первым обслуживается первым». В принципе, участники очереди могут даже открыто апеллировать

к этому правилу, например, для того чтобы не дать «нарушителю» пройти без очереди. Однако это правило не описывает саму очередь как конфигурацию феноменальных деталей, в то время как для самих участников производство и описание порядка очереди как очереди предполагает как раз постоянную ориентацию на детали текущей совместной деятельности. Например, участник должен поддерживать дистанцию до стоящего перед ним человека, причем так, чтобы эта дистанция не воспринималась как разрыв очереди. Кроме того, необходимо поддерживать линейную ориентацию, которая позволяет говорить о том, что этот участник все еще стоит в очереди, а не вышел из нее. Каждое из этих практических соображений связано с множеством других обстоятельств: с тем, стоит ли человек в очереди первым или последним, стоит ли он один или вместе с кем-то, какие вещи у него при себе и т. д. В результате учета всех этих соображений на практике очередь становится доступна как для ее участников, так и для посторонних наблюдателей в качестве зримой, свидетельствуемой очереди, воплощенной в конкретных деталях. Эти детали изначально описуемы, т. е. они позволяют описывать очередь как очередь, а не как что-то иное. В тех случаях, когда очередь зримо отсутствует (например, в случае электронной очереди), вновь прибывший сталкивается не только с трудностью установления конца очередь, но и с невозможностью сходу определить, является ли данное собрание людей очередью в принципе, что вынуждает его обращаться с соответствующими вопросами к находящимся здесь и теперь людям (вроде «Простите, а здесь по очереди или как?»). Однако уникальные особенности каждой очереди не мешают ее участникам производить и описывать свои и чужие действия повторяющимся, регулярным способом, поскольку производство и описание очереди как очереди заключается в *методическом* осуществлении ситуативного порядка. Иными словами, существуют процедуры создания очереди, и эти процедуры не просто осуществляются, но и являются предметом анализа, оценки, сравнения, критики и т. д. самими участниками. Например, первый в очереди должен зайти в кабинет сразу после того как оттуда вышел предыдущий посетитель. Стоящие за первым участники очереди анализируют его поведение не как набор наблюдаемых деталей, а как набор упорядоченных наблюдаемых деталей, принципом упорядочивания которых является осуществляемая им методическая практика, в которой заключается позиция «первый в очереди». Быть первым — значит осуществлять определенные методические действия ситуационно упорядоченным способом.

Такой радикальный подход уже невозможно примирить с нормативной концепцией порядка. В нормативной концепции

действие ориентировано на определенные социальные «формы», источником которых является культура. Эти «формы» (нормы, правила, ценности, идеалы, фреймы и пр.) задают стандарт действия, но недоступны для самих участников, потому что призваны как раз преодолевать индивидуальные ситуации. Нормы должны предшествовать ситуации, поскольку только в этом случае возможно то «единство вещей», которое Гоббс использовал в качестве своей отправной точки. Очередь в этом смысле представляет собой группу людей, которые разделяют некоторое представление о том, что такое очередь, и, исходя из него, оценивают действия друг друга. Если кто-то ведет себя неподобающим образом, например, пытается «пролезть без очереди», к нему применяются санкции с целью восстановления порядка. Ситуативный взгляд тоже вычленяет определенные «формальные структуры» в действиях людей, однако эти формальные структуры имеют своим источником сами действия. Сталкиваясь с уникальными, неповторимыми обстоятельствами (уникальной конфигурацией материальной среды, уникальными участниками и т. д.), люди создают очередь как нечто «бессмертное», в смысле Эмиля Дюркгейма[1], но при этом ситуативно-бессмертное, воплощенное именно в *этой* конкретной ситуации. Таким образом, формальные структуры в нормативном понимании и формальные структуры в ситуационном понимании имеют между собой мало общего.



## Заключение

Проблема социального порядка может быть названа «Гоббсовой проблемой» потому, что Гоббс первым сформулировал вопрос о возможности общества *вообще*, а не конкретного его типа. Тем не менее, его собственный ответ был как раз типическим, т. к. он предложил социально-политическую доктрину социального порядка: социальный порядок есть там, где есть государство, основанное на соглашении большинства граждан, во главе с избранным представителем или собранием. Хотя ответ Гоббса оказался первым из множества ответов, предложенных впоследствии, его проблема сохранила свое первоочередное значение для социальных наук. Выделенные выше два основных компонента Гоббсовой проблемы: вопрос повседневности и вопрос конкретности социального порядка, образуют поле,

1 «...хотя группа не бессмертна в абсолютном смысле слова, однако же верно то, что группа продолжает существовать над и вне индивидов и что она перерождается и перевоплощается в каждом новом поколении» (Durkheim 1995: 272).

в пределах которого можно поместить все многообразие существующих ответов на вопрос о возможности общества. В этом поле выделяются два полюса: концепция нормативного порядка и концепция ситуативного действия, которые были в наиболее рафинированной форме сформулированы, соответственно, Талкотом Парсонсом и Гарольдом Гарфинкелем. Ключевая разница между ними заключается в том, что нормативный подход постулирует существование порядка по ту сторону наблюдаемых повседневных действий, тогда как ситуативный подход утверждает конкретность и наблюдаемость порядка.

Важность различения между этими двумя взглядами обусловлена не только историческими соображениями, но и концептуальными проблемами, с которыми сталкивается сегодня социология. Ситуационный подход, на мой взгляд, обладает гораздо большим потенциалом, но не потому, что он предлагает некоторый более качественный, адекватный, продуктивный язык описания, и тем более не потому, что он предлагает более эффективные объяснения, а потому, что он очерчивает параметры радикально эмпирической программы исследований социального порядка, которой до сих пор не было в социологии. Несмотря на то, что социология с первых своих шагов демонстрировала «аппетит к эмпирике», этот эмпирический интерес всегда был опосредован методологическим аппаратом, развитие которого должно было постепенно приближать социологов к упорядоченной реальности, скрытой за хаосом наблюдаемых действий. Гарфинкель показал, что «хаос наблюдаемых действий» — это лишь фигура восприятия, фоном которой являются упорядоченные повседневные практики. Если мы переключим внимание на этот фон, то увидим «знакомые чудеса обыденного общества» (Garfinkel 2002: 206).



## Библиография


1. *Гарфинкель Г. Концепция и экспериментальные исследования «доверия» как условия стабильных согласованных действий/Пер. с англ. А. М. Корбута // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8. № 1. С. 10–51.*
2. *Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского/пер. с англ. А. Н. Гутермана // Гоббс Т. Сочинения. Т. 2. М.: Мысль, 1991. С. 3–545.*
3. *Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд/Сокр. пер. с фр. А. Н. Ильинского. СПб.: Союз, 1998.*
4. *Alexander J. C. Theoretical logic in sociology. Vol. 1: Positivism, presuppositions, and current controversies. Berkeley: University of California Press, 1982.*
5. *Barnsley J. H. On the Hobbesian problem of order: a comment // American Sociological Review. 1972. Vol. 37. № 3. P. 369–373.*

6. **Cohen** . *J. Theories of action and praxis // The Blackwell companion to social theory/Ed. B. S. Turner. Oxford: Blackwell, 2000. P. 73–111.*
7. **Cohen P. S.** *Modern social theory. L.: Heinemann, 1968.*
8. **Durkheim E.** *The elementary forms of religious life/Trans. K. Fields. N. Y.: Free Press, 1995. P. 272*
9. **Garfinkel H.** *The perception of the other: a study in social order. Unpublished PhD dissertation. Harvard University, 1952.*
10. **Garfinkel H.** *Parsons' primer: «ac hoc uses». Unpublished manuscript. 1962.*
11. **Garfinkel H.** *A conception of, and experiments with, «trust» as a condition of stable concerted actions // Motivation and social interaction: cognitive determinants/Ed. O. J. Harvey. New York: Ronald Press, 1963. P. 187–238.*
12. **Garfinkel H.** *Studies in ethnomethodology. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1967.*
13. **Garfinkel H.** *Practical sociological reasoning: some features in the work of the Los Angeles Suicide Prevention Center // Essays in self-destruction/Ed. E. S. Shneidman. N. Y.: Science House, 1967a. P. 171–187.*
14. **Garfinkel H.** *Ethnomethodology's program: working out Durkheim's aphorism. Lanham: Rowman & Littlefield, 2002.*
15. **Garfinkel H., Livingston E.** *Phenomenal field properties of order in formatted queues and their neglected standing in the current situation of inquiry // Visual Studies. 2003. Vol. 18. № 1. P. 21–28.*
16. **Parsons T.** *The structure of social action: a study in social theory with special reference to a group of recent European writers. Glencoe: Free Press, 1949 [1937].*
17. **Parsons T.** *The social system. Glencoe: Free Press, 1951.*
18. **Parsons T.** *Order as a social problem // The concept of order/Ed. P. G. Kuntz. Seattle: University of Washington Press, 1968. P. 384.*
19. **Parsons T., Shils E. A., Olds J.** *Values, motives, and systems of action // Toward a general theory of action/Ed. T. Parsons and E. A. Shils. Cambridge: Harvard University Press. 1951. P. 47–275.*
20. **Parsons T. et. al.** *Some fundamental categories of the theory of action: a general statement // Toward a general theory of action/Ed. T. Parsons and E. A. Shils. Cambridge: Harvard University Press, 1951. P. 3–29.*
21. *The theory of social action: the correspondence of Alfred Schutz and Talcott Parsons/Ed. R. Grathoff. Bloomington: Indiana University Press, 1978.*
22. **Warner R. S.** *Toward a redefinition of action theory: paying the cognitive element its due // American Journal of Sociology. 1978. Vol. 83. № 6. P. 1317–1349.*